

МАНУССАКИС (MANOUSSAKIS) и другие против ГРЕЦИИ

Судебное решение от 26 сентября 1996 г.

КРАТКОЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА

А. Основные факты

Заявители, г-н Титос Мануссакис, г-н Константинос Макридакис, г-н Кириакос Баксеванис и г-н Вассилиос Хадджакис живут на острове Крит и являются членами религиозной секты “Свидетели Иеговы”.

30 марта 1983 г. г-н Мануссакис арендовал большое помещение в здании в Гераклионе. Договор об аренде предусматривал, что оно будет использоваться “для всевозможных собраний, свадеб и т. д. общины “Свидетели Иеговы”.

28 июня 1983 г. заявители обратились к министру Национального образования и культов за разрешением использовать это помещение для религиозных служб и молитв. Однако вслед за этим ортодоксальная церковь того же района в Гераклионе обратилась к полицейским властям города с жалобой на незаконное, без соответствующего разрешения, функционирование молитвенного дома “Свидетелей Иеговы”.

В декабре 1984 г. Министр уведомил заявителей, что у него нет всех необходимых материалов для рассмотрения их обращения.

3 марта 1986 г. прокуратура Гераклиона возбудила уголовное дело против заявителей на основании положений статьи 1 Закона № 1363/1938, с учетом поправок, внесенных Законом № 1672/1939, обвинив их в частности в создании без разрешения церковных властей государственной религии и министра Национального образования и культов молитвенного дома и использования его для религиозных собраний и церемоний адептов “Свидетелей Иеговы”.

6 октября 1987 г. Уголовный суд оправдал заявителей, указав, что “при отсутствии каких-либо актов прозелитизма члены любой веры имеют право встречаться даже в таких местах, где на проведение религиозных собраний не имеется разрешения”. Тем не менее 8 октября 1987 г. прокуратура Гераклиона обжаловала это решение и 15 февраля 1990 г. добилась в Апелляционном суде осуждения заявителей. Каждый из них был приговорен к трехмесячному тюремному сроку (который мог быть заменен оплатой в 400 драхм за каждый день) и штрафу в 20 000 драхм.

Заявители подали кассационную жалобу по вопросам права, утверждая, в частности, что положения статьи 1 вышеупомянутого Закона и требование получить разрешение на открытие места проведения религиозных собраний противоречат статье 13 Конституции Греции и статье 9 Европей-

ской Конвенции по правам человека, которые гарантируют право на свободу религии и вероисповедания. Кассационный суд отклонил жалобу в марте 1991 г.

В. Разбирательство в Комиссии по правам человека

В жалобе, поданной в Комиссию 7 августа 1991 г., заявители утверждали, что был нарушен ряд статей Конвенции, однако Комиссия признала приемлемой 10 октября 1994 г. лишь жалобу по статье 9 — свобода совести и религии.

В своем докладе от 25 мая 1995 г. Комиссия установила обстоятельства дела и выразила единогласно мнение, что статья 9 была нарушена.

Комиссия передала дело в Суд 5 июля 1995 г.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ РЕШЕНИЯ СУДА

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. Предварительное возражение Правительства

31. Первоначально Правительство утверждало, как оно делало это и в Комиссии, что заявители не исчерпали внутренние средства защиты, поскольку они дважды пренебрегли возможностью обращения в Государственный совет в целях обжалования — в соответствии со статьей 45 § 1 и 4 и статьей 46 §1 Декрета № 18/1989 (см. п. 27 выше) — подразумеваемого отказа министра Национального образования и культов предоставить им требуемое разрешение. Отсутствие ответа на их просьбу со стороны министра по истечении срока в три месяца представляет собой подразумеваемый отказ, который можно было обжаловать в Государственном совете как превышение власти. Срок давности и отправная точка для возбуждения такого обжалования были ясно определены в законе и поэтому хорошо известны заявителям. Если бы они обратились с жалобой в Государственный совет, то, несомненно, получили бы требуемое разрешение, и в этом случае никакой суд не признал бы их виновными. Тем не менее они добровольно пренебрегли такой возможностью, потому что их подлинная цель состояла в том, чтобы оспорить соответствующее национальное законодательство в органах Конвенции.

32. Заявители утверждали, что даже если бы они осуществили право на обжалование в связи с превышением власти, то процедура о создании их молитвенного дома не привела бы к результату.

33. Суд отмечает прежде всего, что кассационная жалоба по вопросам права заявителей основывалась только на несовместимости статьи 1 Закона № 1363/1938, послужившей основанием для их осуждения, со статьей 9 Конвенции и статьей 13 Конституции Греции. Кассационный суд отклонил эту жалобу, считая, что при ее разбирательстве Уголовный суд Гераклиона правильно истолковал и применил вышеупомянутую статью (см. п. 17 выше). Поэтому не возникает сомнений в том, что заявители исчерпали внутренние средства защиты в отношении их осуждения.

Кроме того, заявители ни разу не обращались ни во внутренние суды, ни в Комиссию с жалобой на то, что соответствующие органы не приняли решения о предоставлении разрешения или отклонении их заявлений от 28 июня и 18 октября 1983 г. (см. п. 9 выше). Министерство по вопросам Национального образования и культов прислало заявителям пять писем, в которых сообщалось, что их документы рассматриваются (см. п. 11 выше). Суд отмечает, что со стороны государственных органов не поступило положительно выраженного решения и что отсутствие ответа на их заявления послужило бы основанием для начала отсчета срока, предписанного в статье 46 п. 1 Декрета № 18/1989. Суд также отмечает, что заявители находились в состоянии неопределенности начиная с 18 октября 1983 г.

Суд напоминает, что единственными средствами защиты, которые, согласно положениям статьи 26 Конвенции, должны быть исчерпаны, являются те, которые имеются в распоряжении лица, являются достаточными и которые касаются предполагаемых нарушений (см. решение по делу *Чулла против Италии* от 22 февраля 1989 г. Серия А, т. 148, с. 15, п. 31, и решение по делу *“Пайн вэлли девелопментс лтд.” против Ирландии* от 29 ноября 1991 г. Серия А, т. 222, с. 22, п. 48). Кроме того, заявитель, который воспользовался средством защиты, способным исправить положение, вызвавшее предполагаемое нарушение, непосредственно, а не только косвенно, не обязан прибегать к другим доступным ему средствам защиты, эффективность которых сомнительна.

Суд отмечает, что заявители могли быть в некотором сомнении относительно отправной точки сроков, указанных в статье 45 § 4 и статье 46 § 1 Декрета № 18/1989 (см. п. 27 выше). После подачи их второго заявления от 18 октября 1983 г. ответ из Министерства по вопросам просвещения и религии был получен 25 ноября 1983 г., т. е. до истечения трехмесячного срока с момента подачи заявления (статья 45 § 4 вышеупомянутого Декрета). Поэтому ответ из министерства был равносителен подразумеваемому отказу предоставить требуемое разрешение.

Суд полагает далее, что, даже если предположить, что Государственный совет удовлетворил бы жалобу заявителей, ничто не говорит о том, что они получили бы необходимое разрешение, поскольку на практике государственные органы не всегда выполняли решение Государственного совета. Пример, на который ссылаются заявители в своей памятной записке относительно решения Государственного совета от 29 октября 1985 г. (№ 4260/1985), является весьма наглядным в этом отношении. Государственный совет аннулировал решение министра Национального образования и культов, в котором секте “Свидетели Иеговы” отказывалось в разрешении использовать помещение в качестве места проведения религиозных собраний, но вернул дело обратно в те же административные инстанции для рассмотрения, были ли выполнены установленные законом требования для предоставления такого разрешения. 7 января 1986 г. заинтересованные лица подали министру новое заявление вместе с копией решения Государственного совета. 3 июля 1986 г. министр сообщил им, что он “не может предоставить им требуемое разрешение”. Второе заявление от 20 января 1987 г. было точно так же отклонено министром следующим образом: “...мы ссылаемся на ответ, данный вам в нашем предыдущем письме от 3 июля 1986 г.”.

34. При создавшихся обстоятельствах обжалование подразумеваемого отказа соответствующих органов не может расцениваться как действенное

средство защиты. Заявители исчерпали внутренние средства и предварительное возражение не принимается.

II. О предполагаемом нарушении статьи 9 Конвенции

35. Заявители утверждают, что их осуждение Уголовным судом Гераклиона в апелляционной инстанции нарушает статью 9 Конвенции, которая гласит:

“1. Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или придерживаться убеждений как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным образом, в богослужении, учении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов.

2. Свобода исповедовать религию или придерживаться убеждений подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым в демократическом обществе в интересах общественного спокойствия, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц”.

A. Имелось ли вмешательство

36. Действительность гражданско-правового договора, заключенного заявителями 30 марта 1983 г. (см. п. 7 выше), не оспаривается.

Поэтому осуждение заявителей Уголовным судом Гераклиона, в апелляционной инстанции, за использование помещения, о котором идет речь, без предварительного разрешения, требуемого Законом № 1363/1938, представляет собой вмешательство в их право на осуществление свободы “исповедовать свою религию... в богослужении... и выполнении религиозных и ритуальных обрядов”. Такое вмешательство является нарушением статьи 9, за исключением тех случаев, когда оно “предусмотрено законом”, в одном или нескольких законных целях, указанных в п. 2, и было “необходимо в демократическом обществе” для достижения такой цели или целей.

B. Оправдано ли вмешательство

1. “Предусмотрено законом”

37. Согласно заявителям Закон № 1363/1938 и Декрет о его применении от 20 мая/2 июня 1939 г. устанавливают общее и постоянное запрещение на открытие церкви или храма любой иной религии, нежели православная — в Законе употреблен термин “учение”. Они утверждают, что это запрещение может быть отменено только с помощью официального или дискреционного акта.

Заявители считают, что такое дискреционное право вытекает из статьи 1 Закона № 1363/1938, которая уполномочивает Правительство предоставлять разрешение или отказывать в нем или не давать ответа на должным образом представленное заявление, не устанавливая при этом какого-либо срока или любого другого существенного условия ответа.

Они утверждали, что Закон, который поставил отправление религии в зависимость от предоставления разрешения, отсутствие которого влечет за собой уголовную ответственность, является “препятствием” для этой рели-

гии и не может рассматриваться как Закон, целью которого является защита свободы религии в соответствии со статьей 13 Конституции. В том, что касается свободы религии и вероисповедания, Конституция имела цель предоставлять большую или по крайней мере не меньшую степень защиты, чем Конвенция, потому что она разрешает налагать ограничения на исповедание любой “известной религии” только по соображениям “общественного порядка” и “общественной морали” (см. п. 20 выше).

Кроме того, заявители указали на необычный характер процедуры, установленной в публичном и административном праве Законом № 1363/1938 для строительства или функционирования мест отправления культа. Это единственная процедура, в отношении которой предусматривается вмешательство как административных, так и религиозных органов. Они также критиковали толкование этого Закона Государственным советом, основанного на ограничительном подходе к нормам и требованиям Конституции, и, наоборот, строгого соблюдения требований, установленных Королевским декретом от 20 мая/2 июня 1939 г., для процедуры получения разрешения, которая связана с такими трудностями, которые придают ей инквизиторский характер и делают труднодоступным получение такого разрешения. В Декрете имеется множество дискреционных полномочий, каждое из которых являлось достаточным основанием для отрицательного ответа на заявление.

38. Суд отмечает, что жалоба заявителей направлена скорее против политики препятствий и помех, проводимой по отношению к адептам “Свидетелей Иеговы”, чем против того обращения, жертвами которого они стали. Поэтому, в сущности, они оспаривают положения соответствующего внутреннего закона.

Однако Суд не считает необходимым выносить решение по вопросу, было ли в настоящем деле вмешательство “предусмотрено законом”, потому что в любом случае оно было несовместимо со статьей 9 Конвенции по другим основаниям (см. *mutatis mutandis* решение по делу *Функе против Франции* от 25 февраля 1993 г. Серия А, т. 256-А, с. 23, п. 51, а также п. 53 ниже).

2. “Правомерная цель”

39. Согласно Правительству, штраф, наложенный на заявителей, служил для защиты публичного порядка, а также прав и свобод других лиц. Хотя понятие публичного порядка имеет общие черты в демократических обществах Европы, существенны и отличия, порождаемые национальными особенностями. В Греции фактически все население исповедует христианскую православную веру, которая тесно связана с важными моментами в истории греческого народа. Православная церковь помогла сохранить национальное сознание и патриотизм во времена иностранной оккупации. Кроме того, различные секты стремились к распространению своих идей и доктрин, прибегая к всевозможным “незаконным и нечестным” средствам. Регулирующее вмешательство государства было необходимо, чтобы защитить тех, чьи права и свободы ущемлялись деятельностью социально опасных сект и гарантировать публичный порядок на территории страны.

40. Так же, как и заявители, Суд признает, что государства-участники имеют право проверять, не наносит ли вред обществу деятельность каких-либо движений или ассоциаций, которые, предположительно, преследуют

свои религиозные цели. Вместе с тем Суд напоминает, что, согласно греческому законодательству, религиозная секта “Свидетели Иеговы” подпадает под определение “известная религия” (см. решение по делу *Коккинакис против Греции* от 25 мая 1993 г. Серия А, том 260-А, с. 15, п. 23) и Правительство признает это.

С учетом обстоятельств дела и разделяя мнение Комиссии, Суд полагает, что оспариваемая мера преследовала правомерную цель по смыслу статьи 9 п. 2 Конвенции, а именно защиту публичного порядка.

3. “Необходимо в демократическом обществе”

41. Основной акцент в жалобе заявителей делается на то, что ограничения, налагаемые греческим Правительством на “Свидетелей Иеговы”, фактически препятствуют осуществлению права на свободу религии. С точки зрения законодательства и административной практики, их религия, как они утверждают, не пользуется в Греции защитой, которая гарантируется ей во всех других государствах — участниках Совета Европы. “Плюрализм, терпимость и дух открытости, без которых нет демократического общества”, поэтому подвергнуты серьезной опасности в Греции.

По мнению заявителей, “Свидетели Иеговы” это вероучение, которое принято считать пусть даже в порядке опровержимой презумпции, что оно уважает определенные моральные правила и не противоречит публичному порядку. Его обряды предусматривают уважение публичного порядка и нравственности личности. Поэтому вмешательство властей возможно исключительно в случае догмата отклонения от догмы и обрядов и это вмешательство должно носить не превентивный, а репрессивный характер.

Заявители также утверждали, что говоря более конкретно их осуждение носило характер гонения, было “сфабриковано государством”, не оправданно и не было необходимо в демократическом обществе. Государство вынудило заявителей совершить правонарушение и отвечать за последствия исключительно из-за их религиозных убеждений. Безобидная просьба разрешить создать молитвенный дом была превращена из простой формальности в грозное оружие против права на свободу религии. Термин “медлительный”, использованный Комиссией, чтобы охарактеризовать поведение министра по вопросам просвещения и религии в отношении просьбы заявителей предоставить разрешение, был эвфемизмом.

Борьба за выживание некоторых религий, не относящихся к христианской православной церкви, и особенно “Свидетелей Иеговы”, происходила в обстановке вмешательства и притеснений со стороны государства и господствующей религии, в результате чего положения статьи 9 Конвенции оставались мертвой буквой. Эта статья являлась предметом частых и явных нарушений. В поддержку своих утверждений заявители привели многочисленные примеры. Они просили Суд тщательно рассмотреть их жалобы в контексте других дел.

42. Согласно заявлению Правительства, для решения вопроса было ли необходимо осуждение заявителей, Суд должен сначала определить оправдана ли система предварительного разрешения, которая обязана своим существованием причинам исторического характера. По их мнению, одно взаимосвязано с другим. Истинная цель заявителей состояла не в том, чтобы обжаловать осуждение, а в борьбе за отмену такого требования.

Имелись важнейшие требования публичного порядка для того, чтобы поставить открытие молитвенного дома под контроль государства. В Греции такой контроль распространяется на все вероисповедания; иначе он бы противоречил положениям Конституции и Конвенции. “Свидетели Иеговы” не были освобождены от требований закона, которые являются всеобщими. Новое вероисповедание или открытие молитвенного дома в Греции, как утверждает Правительство, часто использовалось как средство прозелитизма, в частности, адептами “Свидетели Иеговы”. Это было нарушение закона, который Суд признал соответствующим Конвенции (решение по делу Кокинакиса).

Санкция, наложенная на заявителей, не была суровой и мотивировалась не религиозными факторами, а неповиновением закону и нарушением административной процедуры. Их наказание явилось результатом преступного пренебрежения заявителей к средствам защиты, имеющимся в наличии правовой системе Греции.

Наконец, Правительство ссылаясь на тот факт, что другие государства — участники Конвенции также имеют законы, содержащие ограничения в этой области, подобные принятым в Греции.

43. Комиссия сочла, что система разрешений, в соответствии с Законом № 1363/1938, представляется открытой для критики. Во-первых, вмешательство греческой православной церкви в эту процедуру затрагивает сложный вопрос, подпадающий под действие статьи 9 п. 2. Во-вторых, квалификация открытия молитвенного дома без предварительного разрешения властей как уголовного преступления явно несоразмерна правомерно преследуемой цели, особенно в том случае, когда, как в настоящем деле, основная причина наказания заявителей заключается в медлительности соответствующих органов по принятию решения.

44. В своей практике Суд последовательно оставляет государствам-участникам дискреционные полномочия при оценке необходимости вмешательства и степени такого вмешательства, но эта свобода усмотрения подлжет контролю со стороны органов Конвенции и распространяется как на сферу законодательства, так и на решения, применяющие его. Задача Суда заключается в оценке оправданности и соразмерности мер, принятых на национальном уровне.

При определении границ свободы усмотрения в настоящем деле Суд должен принимать во внимание, что речь идет о необходимости обеспечить подлинный религиозный плюрализм, являющийся неотъемлемой чертой демократического общества (см. вышеупомянутое решение по делу Кокинакиса, с. 17, п. 31). Кроме того, когда речь идет о соблюдении статьи 9 п. 2, очень важно определить, было ли ограничение соразмерным правомерно преследуемой цели. Ограничения свободы исповедовать свою религию, предусмотренные Законом № 1363/1938 и Декретом от 20 мая/2 июня 1939 г., требуют самого тщательного рассмотрения Судом.

45. Суд отмечает прежде всего, что Закон № 1363/1938 и Декрет от 20 мая/2 июня 1939 г., в которых речь идет о церквях и местах проведения религиозных и ритуальных обрядов, не имеющих отношения к греческой православной церкви, позволяют далеко идущее вмешательство со стороны политических, административных и религиозных органов в осуществление свободы вероисповедания. В дополнение к многочисленным формальным условиям, установленным в § 1 и § 3 статьи 1 Декрета, предоставляющих широкую свободу усмотрения полиции, мэру или председателю окружного

муниципального совета, министр по вопросам просвещения и религии может откладывать ответ на неопределенное время, поскольку в Декрете не установлены сроки для ответа, или отказывать в разрешении, не объясняя причины. В этом отношении Суд отмечает, что Декрет предоставляет полномочия министру, определить в частности, исходя из того, соответствует ли число тех, кто обращается за разрешением, числу, указанному в Декрете (§ 1 (а) статьи 1), есть ли “реальная потребность” у конкретно взятой религиозной общины в открытии церкви. Этот критерий может сам по себе являться основанием для отказа, независимо от условий, предусмотренных в п. 2 статьи 13 Конституции.

46. Правительство утверждает, что право министра Национального образования и культов на предоставление или отказ в выдаче требуемого разрешения не является дискреционным. Он был обязан предоставить разрешение, если бы нашел, что три условия, изложенные в п. 2 статьи 13 Конституции, были удовлетворены, а именно, что речь идет об известной религии, что нет риска нанести вред порядку или общественной нравственности, и что нет опасности прозелитизма.

47. Суд отмечает, что проверяя законность отказов предоставлять разрешение Государственный совет придерживался практики, ограничивающей полномочия министра по этому вопросу и предоставляющей местным религиозным органам чисто консультативные функции (см. п. 26 выше).

Право на свободу религии, как оно гарантируется Конвенцией, исключает оценку государством легитимности религиозных вероисповеданий или способов их выражения. Поэтому Суд считает, что система выдачи разрешений, установленная Законом № 1363/1938 и Декретом от 20 мая/2 июня 1939 г., совместима со статьей 9 Конвенции лишь постольку, поскольку она позволяет министру проверить соблюдение формальностей, предусмотренных этими нормативными актами.

48. Свидетельские показания и многочисленные факты других дел, на которые ссылаются заявители и которые не оспариваются Правительством, говорят о том, что государство стремится использовать возможность, предоставляемые вышеупомянутыми статьями, чтобы наложить жесткие ограничения или даже запретить деятельность религиозных (неправославных) объединений, в частности секты “Свидетели Иеговы”. По общему признанию, Государственный совет отменяет за отсутствием оснований любой необоснованный отказ предоставить разрешение, но обширная судебная практика в этой области, кажется, свидетельствует о четкой тенденции со стороны административных и церковных органов применять эти положения для ограничения религиозных течений, не входящих в православную церковь.

49. В настоящем деле заявители преследовались по закону и были признаны виновными за то, что они использовали молитвенное помещение, не получив предварительно разрешения, требуемого законом.

50. В своей памятной записке Правительство заявило, что, в соответствии с § 1 статьи 1 Декрета от 20 мая/2 июня 1939 г., разрешение от местного епископа было необходимо только для строительства и открытия церкви, а не молитвенного дома, как в настоящем деле. Заявления в адрес министра национального образования и культов в той форме, как его представили заявители, было достаточно.

51. Тем не менее Суд отмечает, что и прокуратура Гераклиона при возбуждении уголовного дела против заявителей (см. п. 12 выше), и Уголовный суд Гераклиона, заседавший в качестве апелляционной инстанции, в

своем решении от 15 февраля 1990 г. (см. п. 15 выше) основывались исключительно на отсутствии разрешения от епископа, а также на отсутствии разрешения от министра, который в ответ на пять запросов, сделанных заявителями в период между 25 октября 1983 г. и 10 декабря 1984 г., отвечал, что он рассматривает их документы. Насколько известно Суду, заявители до сих пор не получили ясно выраженного ответа. Более того, на слушании дела представитель Правительства охарактеризовал поведение министра как несправедливое и объяснил его теми трудностями, с которыми министр, вероятно, столкнулся при поиске юридически обоснованных причин для прямо выраженного отказа, или его опасениями, что он мог бы дать заявителям основания для обращения в Государственный совет, чтобы оспорить административное решение.

52. При созданных обстоятельствах Суд полагает, что ссылка Правительства на невыполнение заявителями юридических формальностей не оправдывает их осуждения. Степень строгости санкции является несущественной.

53. Как и Комиссия, Суд пришел к заключению, что осуждение заявителей так сильно и непосредственно воздействовало на их свободу исповедовать свою религию, что оно не может быть расценено как соразмерное правомерно преследуемой цели и поэтому, как необходимое в демократическом обществе.

Следовательно, имело место нарушение статьи 9.

III. Применение статьи 50 Конвенции

54. Статья 50 Конвенции предусматривает следующее:

“Если Суд установит, что решение или мера, принятые судебными или иными властями Высокой Договаривающейся Стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из настоящей Конвенции, а также если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то решением Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне”.

A. Моральный вред

55. Первоначально заявители потребовали выплатить 6 000 000 (шесть миллионов) драм за моральный вред.

56. Ни Правительство, ни Комиссия не выразили своего мнения относительно этой претензии.

57. Суд полагает, что заявители понесли моральный вред, но сам факт признания нарушения статьи 9 является достаточным его возмещением.

B. Расходы и издержки

58. Заявители потребовали выплаты 4 030 100 (четыре миллиона тридцать тысяч сто) драм за расходы и издержки, понесенные при слушаниях дела в Греции и в Страсбурге, и предоставили подробные сведения относительно этих затрат.

59. Правительство утверждало, что сумма, присужденная по этому пункту, должна покрыть только расходы, понесенные в связи с уголовными

разбирательствами, и расходы за слушания дел в органах Конвенции. Во всяком случае эти расходы явились следствием преступного и противозаконного поведения заявителей и преднамеренного нарушения национального законодательства.

60. Представитель Комиссии не высказался по этому вопросу.

61. Принимая во внимание свое решение относительно нарушения статьи 9 (см. п. 53 выше), Суд находит претензию обоснованной и соответственно признает ее полностью.

С. Выплата процентов

62. Согласно информации, имеющейся в распоряжении Суда, установленная законом процентная ставка в день принятия настоящего решения составляла в Греции 6% в год.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Отклонил* предварительное возражение Правительства;
2. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 9 Конвенции;
3. *Постановил*, что сам факт признания настоящим решением нарушения является справедливым возмещением за предполагаемый моральный вред.
4. *Постановил*, что государство-ответчик должно выплатить заявителям в течение трех месяцев в погашение затрат и издержек сумму в 4 030 100 (четыре миллиона тридцать тысяч сто) драхм, на которую начисляются простые проценты в сумме 6% годовых, по истечении вышеупомянутого срока в три месяца.

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 26 сентября 1996 г.

Герберт Петцольд
Грефье

Рудольф Бернхардт
Председатель

В соответствии со статьями 51 п. 2 Конвенции и со статьей 53 п. 2 Регламента Суда А к настоящему решению прилагается совпадающее мнение судьи Мартенса.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ МАРТЕНСА

1. Я полностью разделяю мнение, выраженное в решении Суда, тем не менее я бы предпочел решить дело по существу на основе критерия “предусмотрено законом”, т. е. решить вопрос, который Суд оставляет открытым (см. п. 38 решения Суда).

2. Суть критерия “необходимо в демократическом обществе” стремление сбалансировать элементы индивидуального дела. Однако, как следует

из п. 38 решения Суда, сама сущность жалоб заявителей — это не жалоба отдельных лиц, а жалоба на несправедливость вообще: они жалуются не столько на преследование, которому они подверглись, а в целом на препятствия, создаваемые для свидетелей Иеговы, когда они пытаются создать молитвенные дома. Поэтому требование “предусмотрено законом” более подходит для обоснования (это совпадает и с точкой зрения Правительства) основного тезиса заявителей, а именно, что рассматриваемый Закон № 1363/1938 несовместим со статьей 9 либо *per se*, либо в любом случае, в том виде, как он последовательно применяется компетентными властями.

3. Я полагаю, что такой подход, хотя возможно несколько новаторский, особо важен для деятельности Суда; в его задачи в соответствии с требованием “предусмотрено законом” входит оценка качества закона, используемого как оправдание для вмешательства, о котором идет речь.

4. Обращаясь теперь к утверждениям заявителей о несовместимости Закона № 1363/1938 со статьей 9, я согласен с представителем Правительства в том, что прежде всего нужно рассмотреть, имеется ли вообще возможность в соответствии со статьей 9 для “предварительного ограничения”, которое в данном деле состоит в том, что строительство или функционирование мест отправления культа зависит от предварительного функционального разрешения и что осуществление такого строительства помещения или его использование без такого разрешения является правонарушением.

5. Как и в отношении статьи 10, я против того, чтобы и здесь сразу ответить на этот вопрос отрицательно. Можно допустить, что функционирование — и *a fortiori* строительство — молитвенного дома в данном конкретном месте может поднимать серьезные вопросы публичного порядка, и такая возможность, по-моему, полностью не исключает зависимость решения этого вопроса от предварительного разрешения властей.

6. Однако я думаю, что в данном случае, когда речь идет о свободе религии, — даже больше, чем в случае статьи 10, — вопрос является очень сложным, ибо за соображениями публичного порядка может легко скрываться нетерпимость. В том случае, когда существует официальная государственная религия, вопрос становится еще более трудно разрешимым. В таких случаях должно быть абсолютно ясно, как в свете формулировки рассматриваемого Закона, так и в свете его применения, что требование предварительного разрешения никоим образом не имеет целью позволить соответствующим органам “оценивать” принципы и нормы религиозной общины заявителей; принципиально важно, чтобы требуемое разрешение всегда выдавалось, за исключением тех случаев, когда чрезвычайные, объективные или непреодолимые препятствия по соображениям публичного порядка, делают это невозможным.

7. Правительство тщетно пыталось убедить нас, что Закон № 1363/1938 удовлетворяет этим, по общему признанию, строгим требованиям. Представитель Правительства утверждал, что в соответствии с этим Законом нет места для свободы усмотрения, но он в то же самое время объяснил, что требуется, чтобы власти тщательно рассмотрели, является ли заявление результатом подлинных религиозных потребностей или средством прозелитизма и, кроме того, являются ли приемлемыми принципы и нормы религиозной общины заявителей. И действительно, требование, чтобы имелись по крайней мере пятьдесят семей, проживающих в одной местности,

говорит не только о том, что имеется свобода усмотрения, но также свидетельствует, что Закон № 1363/1938 идет намного дальше, чем это позволительно в отношении предварительного ограничения свободы религии. В дополнение ко всему вышесказанному в процедуре выдачи разрешения участвуют и церковные органы господствующей религии, что, даже если их участие ограничено строго консультативными функциями (в чем я сомневаюсь), свидетельствует само по себе, что рассматриваемый Закон не удовлетворяет вышеупомянутым строгим требованиям и несовместим с положениями статьи 9.

8. В целом я считаю, что заявители справедливо отмечают, что рассматриваемый Закон несовместим со статьей 9.